

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Демин Анатолий Сергеевич,
доктор филологических наук, профессор,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук,
ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: anatolydemin@gmail.com

ВОИНСКАЯ ТЕМА И ОБЛИК АВТОРОВ В ПРОСТОНАРОДНЫХ ПОВЕСТЯХ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII вв.

Аннотация: В статье рассматриваются неизученные смысловые изменения воинской темы в некоторых простонародных поздних редакциях древнерусских повестей преимущественно по спискам конца XVII – начала XVIII вв., а именно в повестях о Бове, Еруслане, Василии Константиновиче, об Амире (последние две малоизвестны). Судя по повторяющимся мотивам и выразительным средствам, в каждой повести прежняя традиционная основа воинских повестей преобразилась коренным образом и заменилась «служивыми», затем слабосильными, а там и примитивными авантюрно-галантными персонажами, что отражало новые настроения российского общества времени Петровских перемен и в подобных полусказочных памятниках.

Ключевые слова: простонародная повесть, воинская тема, мотив, редактор.

«Повесть о Еруслане» по спискам 1640-х и 1710-х гг.: «служивые» редакторы

Мы будем говорить о творческом облике авторов-редакторов «Повести о Еруслане». Ничего конкретного о них мы не знаем. Но по облику персонажей «Повести» в какой-то мере и, конечно, предположительно раскрывается облик и создателей редакций произведения.

В первую очередь для дальнейших сравнений рассмотрим так называемую «восточную» редакцию повести — «Сказание о некоем славном богатыре Уруслане Залázоревиче» (по списку 1640-х гг. РГБ, собрание Ундольского, № 930). О восточной основе «Сказания» написано много и многими учёными; повесть хвалили все исследователи за яркость её образов (особенно А. С. Орлов и Л. Н. Пушкирев, а в последнее время — Ф. С. Капица и Н. В. Стёпина). Мы же займёмся воинской темой «Сказания», а именно повторяющимися в тексте **новыми** мотивами и деталями, отразившими «служивые» привычки автора.

Анонимный автор (или редактор) «Сказания» серьёзнее, чем в предыдущих богатырских повестях, отнёсся к вопросу о судьбах царств — он «государственник»:

«как бы прожити в царстве мочно»¹ [2, с. 101]; «царство пусто будет» [2, с. 124], «в царстве добрых людей не осталос» [2, с. 123]; «людно царство» [2, с. 117]; «царство <...> оборонил» [2, с. 124]; царь «устроил царство свое лутчи старово и учал <...> на своем царстве жити безмятежно» [2, с. 120].

Всё «Сказание» дисциплинированный автор дополнил темой службы царю: «учнет <...> царь <...> в службу приимати» [2, с. 102]; «царь меня <...> избесчестил: в службу меня к себе не принял» [2, с. 103]; «приехал *служити* <...> государю своему слуга быти» [2, с. 106]; «государю рад *служити* <...> служба наказана великая» [2, с. 113]; «*службу* служиш здорово» [2, с. 123]; и т.д. и т.п.

Эти мотивы «службы» автор в «Сказании», как нам кажется, связал с идейным опытом Смуты. Наверное, поэтому в кодекс верной службы в «Сказании» проник и такой урок: «Не дай, де, Богъ деяти добро никакову *иноземцу* и веры няти» [2, с. 111].

«Служивые» комфортность и послабления заметны в том, какое налаженное материальное и физическое состояние Уруслана и других персонажей мыслил бывалый автор. Персонажи обычно находились в удобных каменных палатах («и пошел Уруслан с царевною в *полату* в каменную» [2, с. 110]; «царевна <...> его <...> повела в каменную *полату*» [2, с. 125]; «вшел царь в каменную *полату*» [2, с. 117]); сидели и предавались созерцанию («и учал Урусланъ в своей каменной *полате* сидет и учал смотрит на большой лугъ на поле» [2, с. 104]; «и учал Уруслан смотрит *ис полаты* на чистое поле» [2, с. 117]; «князь Данило Белой *ис полаты* самъ усмотрил...» [2, с. 113]; «Зеленой царь увидел *ис полаты*...» [2, с. 118]). Персонажи очень любили отдыхать («лег себе <...> *опочиват*, и уснул добре крепко, да учал *спати* долго» [2, с. 108]; «легли *спат*» [2, с. 110]; богатырь, даже когда сторожит, то «*спит* на коне, подперся копьем <...> *спит*, не подвинетца с места» [2, с. 121]; и т.д. Или «стал <...> под дубом, притуляс» [2, с. 113]). От такого времяпрепровождения Уруслана временами охватывает слабость: «И какъ Уруслан с тою царевною *поспит* месяцъ времени, и он обезсилеет: учнет тянути свой доброй крепкой лук, и он не может и от петел отвести» [2, с. 125].

Автор знал и об опасностях «службы». Царям и богатырям грозила гибель, об этом они всегда помнили («помысли о своей да и о моей голове, какъ бы прожити» [2, с. 101]; «приближаемся блиско смерти» [2, с. 112]; «служба наказана великая <...> ему с тое службы живому не съехати» [2, с. 113]; «яз тому рад послужити, хотя мне голова своя положить» [2, с. 117]; «живота не будет» [2, с. 119]; «не можешь жив быти» [2, с. 121] и мн. др.).

Опытный автор обозначал переживания персонажей, не совсем обычные для такого рода лиц, но характерные в процессе «службы». Так, богатырь Уруслан то «исполошелся» [2, с. 126], то «ужаснулся» [2, с. 114]; то ему кого-то «жал» [2, с. 108]; то он «прослезился» [2, с. 112]; а то и «заплакал» [2, с. 111]. Зелёный царь нетерпелив: «он не утерпит, выедит» [2, с. 115]; «царь на своем месте не усидел,

¹ «Восточная» редакция «Повести о Еруслане» («Сказание о Уруслане») цитируется с упрощением орфографии по публикации Н. С. Тихонравова: [2].

вышел» [2, с. 118]. Сын Уруслана стыдлив: «мне в соромех не мошно лица своего показат» [2, с. 126]. И т.п.

Со служебной церемонностью персонажи у дипломатического автора обращались к своим собеседникам: «батюшка», «дядюшка», «брате». Обращения «брате» отдавали даже неким демократизмом: обычно от высшего к низшему (Уруслан — конюху; царь — Уруслану; голова — Уруслану; Уруслан — коню; старший конь — младшему коню). Царь подавал руку: «И Зеленой царь <...> подал ему руку и принел Уруслана к себе в службу» [2, с. 116]. Винились друг перед другом: царь — перед Урусланом, Уруслан — перед царём, Уруслан — перед своим сыном. Могли смиренно называть заведомо низшего «господином»: Залазар — своего сына; Уруслан — тоже своего сына; царь — Уруслана; Уруслан — растерявшихся богатырей и даже тюремных сторожей. Недаром Уруслана, княжеского сына, принимали «за простова человека» [2, с. 112].

«Служебно-тыловую» атмосферу автор внёс хозяйственными деталями в эту якобы богатырскую повесть: обилие «обслуживающего персонала» (помимо конюха, мастера-каменщики; гонцы; сторожа; дядька; «девки, которые на руки воду подают» [2, с. 111]; и прочие «служащие» [2, с. 124]); упоминания городских построек (мост; «каменные ворота городовые» и «царев двор» [2, с. 110]; палаты каменные); описания конской сбруи; описания женских одежд («платье на них добре хорошо <...> подол сажен великим жемчюгомъ да з драгимъ каменьемъ» [2, с. 125]; упоминания домашних вещей: выюки для золота и серебра [2, с. 105]; кровать и постель [2, с. 121]; «вощаночка» и «шириночка» [2, с. 118–119]; наконец, характерен сугубо деловой вопрос Уруслана индийскому царю: «Что, господине, во царстве твоёмъ за озеро, и какое в нем угодые, и какая у тебя в немъ потеха?» [2, с. 123].

По-видимому, из «служивых» соображений автор «Сказания» составил своего рода «анкеты» персонажей. Им постоянно вменялось отвечать на вопросы: «Какой еси человекъ? А яз тебя не знаю... Какъ, де, тебя, брате, имянемъ зовут?» [2, с. 103]; «какой еси человекъ: царь ли, или царевич, или княз, или богатыр сильной?»; «какой еси, брате, человекъ и которой земли? Как тебя зовут именем?» [2, с. 116]; «господине, кто ты еси, какой человекъ?» [2, с. 121]; и др. Автор сообщал не только о возрасте персонажей, но и об их «служебной деятельности» («стерегу <...> стада тритцет летъ» [2, с. 103]; «стережет он на <...> рубеже семь лет» [2, с. 111]; «а нынеча тому уже 30 летъ минуло, какъ на меня не смеют никаков богатыр похвалитца» [2, с. 117].

Удивительные обозначения масти коней и цвета нарядов вовсе не свидетельствовали о том, что автор писал как художник. Нет, автор, как бы неся службу, указывал официальные признаки персонажей, как можно было их опознать: конюх — «кон под нимъ сив, тегилый (кафтанъ) зелен» [2, с. 103]; «княз Данило Белой, — кон под ним сив, кутас (шнур с бахромой) на нем червчат» [2, с. 106]; Феодул Змей — «конъ под нимъ бур, кутас зеленъ» [2, с. 109]; Ивашко Белая Поляница — «кон под нимъ ворон, великъ добре» [2, с. 121]; приметы «Зеленог царя, — вогнененног щита, пламенного копья, а ездит он на осмероногомъ коне» [2, с. 114]; «где живут красные царевны, — <...> в поле шатер бел, маковицы красново золота

аравитцог» [2, с. 120], — всё это для того, чтобы герой «издалече усмотрил и по указу опознал» [2, с. 109]; «по указу догодался» [2, с. 120], кто перед ним.

Наконец, как мы думаем, ещё одна анкетно-«служивая» черта автора заключается в том, что герои в повести поочерёдно сообщают («молвят») Уруслану друг о друге. Выявляются две независимые цепи, кто о ком «молвит». Главная сквозная цепь: «на побоище человекъ» сообщает о русском богатыре Иване; Иван — о дочери Феодула Змея; дочь Феодула — об Ивашке Белой Полянице; Ивашко Белая Поляница — об индийском царе; индийский царь — о своей дочери; дочь индийского царя — о царевне в Солнечном городе. Вторая цепь, независимая от первой: единственный человек, оставшийся в Киркоусовом царстве, сообщает о Залазаре; Залазар — о Зелёном царе; Зелёный царь — о человеческой голове; голова — о Зелёном царе. «Служивая» психология автора, как можно предположить, налицо. Что её исторически породило — пока не ясно, это особая тема.

Прошло почти сто лет, прежде чем появилась новая, сильно переработанная в сторону более подлой «служивости» героя редакция повести, под пространным заголовком: «Сказание и похождение о храбрости, о младости и до старости его бытия, младаго юноши и прекраснаго русского багатыря, — зело послушати дивно, — Еруслона Лазаревича»² (по списку конца 1710-х гг. РНБ, собрание Погодина, № 1773).

Неизвестный нам редактор повести убрал почти все фантастические эпизоды (например, разговор Араша со своим старшим братом, тоже конём; рассказ о птицах-хохотуньях, превращающихся в девиц); оставил эпизод о трёхголовом «чуде», но сократил. Богатырская голова получила тело: «лежить человекъ-богатырь, а тело его, что сильная гора, а глава его, что силныя бугра»; а рациональный Еруслон «удивилься, что мертвая голова глаголетъ» [4, с. 314].

Еруслон у нового редактора стал напоминать не самостоятельного, а подневольного служилого человека: «въехалъ на царевъ дворъ, и слезъ с своего добраго коня, а самъ пошел ко царю в полату, образу Божию молитца, царю <...> поклоняетца: “...А меня, государь, *холопа* своего, приими в *службу*... а меня зовуть Еруслонъкомъ”» [4, с. 311]; «“государь!... *Пожалуй* меня, *холопа* своего”» [4, с. 315]. Нет прежнего упоминания о службе «лестью». Конюх, которого в поле встретил Уруслон, тоже служит («я старой *слуга* отца твоего <...> *жалованье* беру» [4, с. 303]).

С царями Еруслон отменно вежлив и предупредителен: «прикушал Еруслон Лазаревичъ хлебца маленько у царя» [4, с. 309]; «узналъ Еруслонъ Лазаревичъ, что его царь убоялся, <...> и с царемъ <...> прощаетца, и поехалъ Еруслон из града вон» [4, с. 312].

Еруслон после того, как его выслали из родного царства, превратился у редактора в благопристойного и воспитанного юношу: в чужом шатре он не заваливается спать рядом с другим спящим, а «легъ опочевать в шатре, на другой стороне» [4, с. 305]; если легли опочивать муж с женой, то деликатно «Еруслонъ из шатра вон

² «Похождение о храбрости Еруслона Лазаревича» цит. по: [4].

вышел» [4, с. 307] и их разговор намеренно не подслушивал; сам Еруслон сначала хочет увидеть свою невесту («государь царь <...> покажи ми дочь свою» [4, с. 319]) и испросить благословения у родителей (нельзя «естьли мне слюбитца прекрасная царевна и я на ней женюся, а у отца своего и у матери не благословился» [4, с. 312]); приехал в чужой город и скромно «стал на дворе у вдовы» [4, с. 318].

И всё же Еруслон у редактора в «Похождении о храбрости» уже не так благороден, как в «Сказании о Уруслане». По поводу своей высылки из родного царства Еруслон не переживал, а лишь «стоячи усмехнулся» [4, с. 302]. Еруслон хотел убить спящего князя Ивана, русского богатыря, но затем одумался; зато долго и ворчливо пререкался с ним о том, кто кому подаст умыться («ты песь, а не князь» и пр. [4, с. 306]). Так же груб и ворчлив Еруслон с другим персонажем («стоит человекъ, копьемъ подпершись <...> шляпа на немъ сорочинская, и стоячи дремлетъ. И Еруслон Лазаревичъ ударил ево по шляпе плетью и говорить: “Человече, убудися! Мошно тебе и лежа наспатца, а не стоя!”» [4, с. 310–311]).

Еруслон вовсе не был благодарен богатырской голове, хотя она ведь помогла ему, а он с досадой думал: «Доселе азъ царей устрашалъ, богатырей побивалъ, а ныне язъ со слезами багатырской голове поклонился» [4, с. 316]. Пришлось ему извиняться перед головой — «узнал свою вину».

Не так уж героичен Еруслон в представлении нового редактора: «конь испугался, пал на окарачки, а Еруслонъ свалился на землю» [4, с. 318]. Еруслон нарушает данное честное слово: он обещал «чюду» не убивать его за «камень самоцветной», но получил камень и тут же убил [4, с. 318].

Наконец, благопристойность Еруслона тоже оказывается под вопросом. Ведь Еруслон, по сообщениям редактора, с малолетства подвержен плотской страсти: «забылъ образу Божию молиться, что сердце его разгорелось, юность его заиграла, и емлетъ себе <...> прекрасную царевну» [4, с. 309], — и так трёх сестёр подряд (а ему семь лет); потом женится в двенадцать лет, но тут же изменяет жене с другой царевной: «смотрячи на красоту ея, с умомъ смешался, и забылъ свой первой бракъ, и взявъ ея за руку за правую» и т.д. [4, с. 320]. Женщины о Еруслоне отзываются скептически: «а язъ <...> Еруслона Лазаревича храбрости не видала и не слыжала» [4, с. 308]; «обычная твоя храбрость — что ты, насъ, девокъ, разыгнал <...> грабилъ» [4, с. 310].

В общем, поднаторелый в авантюрах редактор «Похождения о храбрости Еруслона» более сниженно и «реалистично» представил ловкого «служивого» героя, чем «Сказание о Уруслане». «Служивого» редактора «Сказания» сменил уже совсем прагматичный редактор «Похождения».

И ещё. Наряду с русификацией имён (это исследователи отметили давно), редактор «Похождения» ввёл историческую тему успешной борьбы с татарами: князь Данило Белый вроде бы оказывается татарин — «собралися к нему мурзы и татары» [4, с. 313]; Еруслонъ «присекъ рать-силу татарскую» [4, с. 309], «прибил, и присекъ, и конемъ притоптал мурзь и татаръ», а остальных «въ крещеную веру привел» и Данила Белого «сослал в монастырь и велелъ пострищи» [4, с. 314–315]. Нет ли здесь отзвука войн с Турцией?

Редактор «Похождения», кроме того, добавил множество уточнений, поясняющих читателям, как то или иное дело делалось или должно делаться: как догнать конного персонажа («уведаешь коней следъ <...> нашед ступь коневью ис копыть» [4, с. 305]); как ложиться спать («постлал под себя войлочки косящатые, а в головы положилъ седло черкаское да узду тасмянную, и легъ опочивать» [4, с. 302]); как расправиться с неугодными сёстрами-красотками («и стал Еруслон Лазаревич с постели, и взял острую саблю свою, и отсекъ ей голову»; второй сестре — тоже; а третьей сестре велелъ: «а сестерь своих схорони» [4, с. 310]); как убить трёх-головое «чюдо» («и влезъ Еруслонъ чюду на спину, и отсекъ Еруслон у чюда две головы...» [4, с. 319]); как верно распорядиться драгоценным камнем (не прилаживать куда-то на руку или растачивать на серьги, а сделать перстень или дать в приданое [4, с. 320]). Эта «технологичность» уже отдаёт Петровским временем.

«Повесть о Бове»

по списку конца XVII в. — разочарование в защитниках

Общепризнанно, что переводная «Повесть о Бове» принадлежала к развлекательным произведениям. Третья редакция «Повести» (по классификации В. Д. Кузьминой), как известно, ценна своей фольклорной русифицированностью. Но не только. Обратим внимание на манеру изложения в позднем списке конца XVII в. (РНБ, Q. XVII, № 27).

В «Повести о Бове» (далее имеем в виду именно третью редакцию) довольно много глаголов, как-то «неправильно» употребляемых русским редактором и оттого неотчётливых по своему предметному значению, явно двусмысленных или многозначных изобразительно — это своеобразное средство изложения.

Рассмотрим, как обозначены действия персонажей: «И старец почерпнулъ чашу укруги, и *уклонился*, всыпаль усыпляющего зелья, и далъ Бове. И Бова выпилъ, и *уклонился* Бова с коня на землю, и спаль 9 дней и 9 ночей»³ [4, с. 287]. В первом случае, судя по контексту, глагол «уклониться» означал что-то вроде мелкого сложного действия — «отвернуться, повернуться и наклониться». Во втором случае «уклониться» подразумевал уже иное сложное действие — «склониться, сползти и упасть». Скрытая изобразительность.

Аналогичный пример предметной многозначности глагола: королевна «Дружневна, *уклонясь*, всыпала из рукава усыпляющего зелья и поднесла королю Маркобруну... И король Маркобрунъ выпилъ кубокъ меду и *уклонился* спать» [4, с. 293]. Дружневна отошла, отвернулась и незаметно из рукава достала зелье, а Маркобрун повернулся, ушёл и лег спать.

Ещё пример: «И прекрасная королевна <...> уронила нож под столъ... И Бова *кинулся* под столъ. И прекрасная королевна *подкиня* главу под столъ» [4, с. 281]. Глагол «кинутися», опять-таки судя по контексту, означал здесь «нагнуться, быстро просунуться и полезть», а глагол «подкинути» означал «наклонить низко и вытянуть вперед» — опять обозначение разных предметных действий.

³ «Повесть о Бове» цит. по: [4].

Ещё примеры: «добрый конь богатырский зъ 12 цепей *збил*ся и уже *пробивает* последние двери» [4, с. 284] — бился, порвал цепи и вырвался; бьёт в двери копытами, дырявит и ломает двери. Королевна «*примала* Бову за буйную главу и целовала его во уста, и во очи, и во уши» [4, с. 285] — брала, прижимала и обнимала. Дворецкий «*легъ* на кароловскую кровать и *одевался* кароловскимъ одеялом» [4, с. 286] — накрылся и завернулся в одеяло. И т.д. и т.п.

Иногда контекст прямо поясняет скрытый предметный состав глагола. Так, король Маркобрун увидел, по его словам, что «добрый конь последние двери *пробиль* и старца *смять*» [4, с. 292]. (В виде старца предстал Бова.) В контексте прямо описано, какие действия коня входили в состав «сминания»: «добрый конь богатырский <...> *сталъ* на задние ноги, а передними ногами *охапиль* старца, *почель* во уста целовать, аки человекъ» [4, с. 292].

Многозначность глаголов в повести можно связать и с переводом текста, и с привлечением русского фольклора, и с несомненной целью редактора усилить увлекательную изобразительность повествования. Мы же сосредоточимся на выявлении ещё одного обстоятельства в поэтике «Повести», до сих пор не отмеченного исследователями.

Многозначные глаголы сочетали лишь мелкие действия персонажей. Мелочность действий персонажей вообще преобладала в описаниях у редактора «Повести». Так, главный герой Бова предаётся мелочным занятиям: «почел Бова по кораблю *похаживать*» [4, с. 279] — нет богатырской размашистости. Напавших на него «Бова *сечеть* да лесницу *кладет* <...> *присек* да и за лесницу *склал*» [4, с. 289] — какая-то старательная хозяйственность. Бова «*пошелъ* промеж нищих *теснитца* <...> *почель* на обе стороны нищих *толкать*» [4, с. 291] — не важно, сильно ли толкал, но движения Бовы явно мелочные. На пиру Бова должен «*постряпотъ*, *ествъ* роздать и у поставца *постоять*» [4, с. 280] — движения совсем замирают. «Бова *почел* добраго коня богатырскаго по шерсти *гладить*» [4, с. 284] — движение мельчайшее. Бова «*выбралъ* розныхъ цветов, и *сплель* травеной *венець*, и *положилъ* себе на главу» [4, с. 281] — мелкие действия пальцами.

Мелочность деятельности была свойственна и иным персонажам «Повести». Вот некоторые примеры из многих: «слуга <...> *грамоту* *принялъ*, и *челом* *ударил* <...> и *вшед* в кароловские хоромы, и *грамоту* *положил* перед короля на стол. И король <...> *грамоту* *распечатывал* и *прочиталъ*» [4, с. 275]; «королева <...> *пошла* *месить* два *хлебца* своими руками» [4, с. 278]; «увидель Бова старца — на улице *щепы* *гребетъ*» [4, с. 290]; «Симбалда *играетъ* в гусли, а Личарда — в домъру» [4, с. 297] — всё это мелкие действия руками.

Мелочная деятельность персонажей доходила иногда до беспокойной суетливости: дядька Бовы «*нача* в городовую стену *бити* *безотступно* и *кричать*», так что королева стала жаловаться: «злодей нашъ не *дасть* намъ *упокою* ни в день, ни в ночь» [4, с. 278]. Или: королевна «*Дружневна* *побежала* сама по воду и *принесла* воды в *сребряном* *рукомойце*» [4, с. 292].

Необычное изображение мелочной деятельности персонажей вполне осознанно использовалось редактором в этой вроде бы богатырской «Повести».

Главная причина подобной манеры повествования заключалась не только в «неграмотном» опрошении героев, но в несколько уничижительном и уже несерьёзном отношении анонимного редактора «Повести» в конце XVII в. к богатырям и королям, к сильным мира сего. Ведь личная физическая домохозяйственная деятельность, заглядывание под стол во время обеда, толкотня среди нищих, бурные ласки и прочее не входили в кодекс поведения богатырей и королевских особ, а больше соответствовали поведению простонародья.

Приношение героев редактором «Повести» проявилось ещё и иными способами. Так, когда от малосильных мелочных действий Бова переходит к богатырским поступкам, то выглядит он незадачливым героем, регулярно попадающим впросак: «скачиль Бова з городовые стены, и отшиб Бова себе ноги, и лежалъ за градомъ три дни и три нощи» [4, с. 279]; «пошелъ Бова ис полаты, ударил дверми, и выпальъ кирпичъ и-стены, и прошибло Бове главу» [4, с. 282] — оттого «у Бовы на главе рана, а в рану палець ляжат» [4, с. 292]; при поединке с другим богатырем Полканом «у Бовы мечъ из рукъ вырвался <...> и Бова свалился с коня на землю мертвъ <...> лежал мертвъ три часа» [4, с. 294].

Бова обвиняют: «Бова, долго спишь, ничего не ведаешь» [4, с. 282, 283, 295]. Из-за этого «старецъ Пилигримъ унесъ у Бовы мечъ-кладенець и увел добраго коня-иноходца. И Бова восталъ от сна своего... И Бова прослезился... И пошел Бова куды очи несутъ» [4, с. 287].

Некоторые эпизоды в «Повести» и вовсе отдают комизмом: «храбрый витезь Бова королевичъ <...> вшед на конюшню и ухоронился под ясли» [4, с. 277]; Бове королевна предлагает: «Ты еще *детишь младо* и не можешь на добромъ коне сидеть и во всю конскую пору скакать <...> возми меня себе за жены места, а буди нашему царству здержатель и ото всехъ странъ оберегатель» [4, с. 284] — хорош муж и защитник! Еще: «Бова растужися <...> и самъ расплакася горко <...> и навариль Бова ествы, и наелся и напился» [4, с. 297] — вот такие переживания! «Бова почель скакать, а метлою махать» [4, с. 282] — не мечом.

Другие персонажи тоже попадали в трагикомические ситуации: «два короля связаны под лавкою лежать» [4, с. 285]; равный Бове по силе богатырь Полкан «отшелъ к лесу спать, и в ту ж пору пришли лвы к Полкану сонному, и богатыря того Полкана съели всего, только оставили одни плесны ножные» [4, с. 296], причём это «плесны» собачьи (у Полкана «по поясъ песьи ноги» [4, с. 294]), а неведомо отчего появившиеся лвы больше нигде не упоминаются в «Повести».

Думается, редактор «Повести» не старался представить персонажей в алогичном или комическом виде. Просто они превратились у приземлённого редактора в условные фигуры, стали служить как бы куклами-марионетками, с которыми могло происходить всё что угодно, вплоть до издевательски-карикатурных концовок: «Бова <...> положил мать свою живу во гроб, и одевал гроб камками и бархаты, погреб Бова мать свою живу в землю, и по ней сорокоусты роздал» [4, с. 300] — вот так почёт!

Столь легкомысленный приключенческий характер «Повести о Бове» оказался возможным потому, что неведомый нам редактор конца XVII в. не то чтобы

переживал разочарование в защитниках государства, но он уже вовсе не верил в значительность и величие богатырей, королей, царей и их окружения, хотя прямо об этом не высказывался и имел в виду якобы иностранцев.

Принижающее отношение редакторов к ранее чтимым лицам, видимо, дало знать о себе в конце XVII в.: примерами этого ещё являются переделки апокрифов о Соломоне и так называемая «Сказка о некоем молодце, коне и сабле» — всё по спискам именно конца XVII в. Но особенно выразительно выглядит в группе подобных произведений «Слово о мужах ревнивых» по списку конца XVII — начала XVIII вв. «Человеку жена мила»; но он вовсе не домостроевский важный муж, а суетливый и совершенно не уважаемый человек: «А спать ложится, а не ляжет, а хотя паки и ляжет, и опять вскочит, и пот кроватию смотрит, и пот полатию, и под половицею ищет, и под печию заглядывают, и опять паки ляжет, и он ворошится»⁴ [6, с. 104] и т.д. Среди скептиков конца XVII в. оказался и создатель третьей редакции «Повести о Бове». Новые времена настали...

На этом мы остановимся, так как в данной работе мы не доходим до прослеживания связей исторических обстоятельств и литературных стилей.

«Сказание о царе Василии Константиновиче»: потеря интереса к богатырским подвигам

Странное это «Сказание» конца XVII — начала XVIII вв. о войне с «бусарманами» (в единственном списке 1750 г. РГБ, Музейное собрание, № 2432). Странность его заключается в отсутствии изображения воинских подвигов. Так, жена царя Василия царица Ирина Дмитриевна, их сын Константин и их князья лишь неизменно благочестивы, но не воинственны («царица Ирина в трудах и в посту чуть жива ходит»⁵ [5, с. 442]; «царица возвела руце на небо» [5, с. 443]; «мать и сынъ поднять руки на небо» [5, с. 445]; «князи костентиновския <...> вознесли руце на небо» [5, с. 443]; и пр.).

Плохие цари злобны («бояры пошли к царю <...> царь нача их бити» [5, с. 442]; «царь <...> стал велми яростень, аки звер, свергъ бошмак своеи правои ноги и удари» [5, с. 444]; «царь яростно на них взираша» [5, с. 445]; «царь <...> завопил гласомъ» [5, с. 446]). Но не воюют. В крайнем случае «оступили Костентинъ-градъ, стояли пятеры сутки <...> и не знали, что творити» [5, с. 442].

Казни и расправы — жестокие, но не как следствие битв («растопиша смолы, и роспяша ему рот, и влиша ему в рот, и предаша ему смерть» [5, с. 443]; «снял с него главу <...> и заткнул на колья» [5, с. 446]).

И самое примечательное — фактически нет воинских сцен. Богатыри ничтожны. Два богатыря из Долматова царства карикатурны: «ростомъ трех сажень <...> очи — аки чаши, и оршинъ у них носы, уussy локтевые, главы котелные, бороды помельные» [5, с. 442]. Два других — из града Константина — «велми силны <...> говорить, что в трубу трубятъ», но карикатурно же выглядят: у одного «руки медью

⁴ «Слово о мужах ревнивых» цит. по: [6].

⁵ «Сказание о царе Василии Константиновиче» цит. по: [5]. При цитировании этого текста нами внесены исправления по первой публикации «Сказания» в кн.: [7].

проволошной перевиты, на ногах — сапоги соромятня, потковы медныя»; а другой «на ногу припадывает, башмоки турецкия на немъ желтыя, чулки зеленыя шелковыя» [5, с. 443]. Ставший царём Константин в роли богатыря («вскоре ж всехъ побилъ смертию» [5, с. 446]) тоже франтоват: «взделъ венець на главу, и наряд доброй златои, и мечъ с каменемъ, и щеломъ с каменми дорагими... А мать ево <...> положила на перси ево чепь златую с каменми и привешень крестъ поклонной с мощами» [5, с. 445–446]. С богатырями легко расправляются (царь Константин «выняв мечъ свои, и пресеку пашеи всех и сильных богатырей, и от крови их полата кровию натеку» [5, с. 446]). Упоминание о поединке богатырей сведено к одной краткой фразе (христианские борцы ухватили обоих «бусарман» и «разбили их смертию» [5, с. 444]).

Отсутствие воинских описаний и сосредоточенность на раздражённых переговорах христианских послов с врагами объясняются не богатырско-воинской, а религиозно-полемической целью автора произведения. Поэтому послы из града Константина, как сказано, «смело» в лицо ругают «бусарманских» царей и угрожают им («Господь <...> на вас, бусарманов, победу посылает и главы с вас, неверных, снимаетъ... Неразумный царь! Не видимъ мы такова человека на свете тебя глупея, что ты. Наш господь Бог <...> на вас победу посылает» [5, с. 444]; «о неверны и злочестивии царь... скоро жди на себя победы» [5, с. 445]). К послам присоединяется и сам царь Константин («азъ пришел к вам, босурманомъ, хошу аз вас всех погубити» [5, с. 446]).

На политическую полемичность автора «Сказания» указывает и главный мотив произведения. Все остальные предметные мотивы в «Сказании» обозначены бегло и кратко, а вот история некоего «образа» Христа, по-видимому, большого распятия в соборной церкви града Константина, прослеживается на протяжении всего «Сказания». Царь Василий Константинович обещает царю Долмату Евсеевичу: «своего господа Бога вамъ на поругания отдамъ», и бояре обвиняют Василия: «Христа, бога нашего, хочешь отдать в руки» [5, с. 442]. Затем это изображение «распята господа Бога» «понесли на градовую стену и поставили высоко» [5, с. 443]. Далее: «неверныя <...> хотели взять господа Бога на поругание», что и подтверждает турецкий царь: «Христа возму на позорище» [5, с. 444]. Потом турки обманом выманили святыню, и им «скоро Христа понесли», и турецкий царь «отсече Господу главу и на коль взаткнул» [5, с. 445]. В конце концов царь Константин вместе с послами «взяли с кола главу Христову и положили в ковчегъ златы с честию» [5, с. 446] и «понесли главу Христову в соборную церков» [5, с. 447]. Намеренная неясность местами — речь идёт то ли об отношении к изображению Христа, или же к самому Христу — подтверждает религиозно-политическую направленность «Сказания».

Н. Ф. Дробленкова связала турецко-татарскую тему в «Сказании» с «победами, одержанными Россией над Турцией в русско-турецких войнах второй половины XVII — первой половины XVIII в. <...> начиная с петровской поры» [1] (у Н. С. Демковой возникло предположение о том, что «эти мотивы “Сказания...” навеяны азовской победой Петра I и ее триумфальным празднованием» [5, с. 654]).

Но торжествующая победоносность не свойственна автору «Сказания». Напротив, христиане предстают в «Сказании» даже страдающей стороной, пытающейся себя «оборонить и за Христа пострадать» [5, с. 443] «Сказание» в основном лишь призывает «побити неверных царей» [5, с. 443], что и осуществляется только частично: остаётся неясным, например, какова судьба «ханова царства» [5, с. 447] после того, как «крымский ханъ» [5, с. 442] был взят «в полон» [5, с. 444], а наместник царя Константина «жить в неверной стране не захотел» [5, с. 447]. Заканчивается «Сказание» осторожным выводом: «господь Богъ показал *чудо* над безбожными турки и татары» [5, с. 447] — ощущение авторского удовлетворения не проявилось.

Ближих по времени аналогий «Сказанию» с его чисто декоративными богатствами пока не найдено. Элементы драматической формы (быстрые диалоги, соединённые краткими пояснениями обстоятельств и поз персонажей) побуждают неуверенно предполагать, что это конспективное «Сказание», возможно, было как-то связано с программкой-пересказом какого-то театрального действия о приключениях распятия. Мотив незавершённости борьбы с врагами, пожалуй, перекликается с похожими политическими намёками в драматических произведениях начала XVIII в.

Повесть об аравийском царе Амуре в «Девгениевом деянии»: подмена воинственности галантностью

«Девгениево деяние» дошло до нас только в очень поздних списках, и исследователи (в первую очередь М. Н. Сперанский, В. Д. Кузьмина, О. В. Творогов) потратили немало усилий на реконструкцию начального вида этого переводного произведения древнейшего периода. Но нас интересует как раз поздняя, вторая редакция «Девгениева деяния» в списке конца XVII – начала XVIII вв. РНБ, собрание Погодина, № 1473, в котором рассказывается не о самом Девгении, а о его родителях — аравийском царе и греческой царевне.

В этом Погодинском списке обнаруживаются авантюрные редакторские мотивы, которые предположительно можно соотнести с литературными вкусами российского общества конца XVII – начала XVIII вв.

Прежде всего погодинское «Девгениево деяние» предстаёт как чувствительная авантюрная повесть, основанная на рассказе о похищении девицы. Авантюристичность повести проявляется в немедленных передвижениях героев («кони же подъ ними, яко летяху»⁶ [3, с. 30]; «по мале же времени приидоша» [3, с. 38]; и пр.) и их воинской «дерзости». Но и авантюристичность тоже усилена редактором. Главный герой неоднократно пытается обмануть других, в том числе собственную мать и брата («нача имъ прелестию глаголати» [3, с. 36, 38]). Похищенная неожиданно становится на сторону своего похитителя и поддерживает его, а остальные женщины играют активнейшую роль в развитии событий (агрессивные вдова греческого царя и мать аравийского царя).

Авантюрный сюжет в погодинском «Девгениевом деянии» резко выпячен и как бы оголён редактором. Кроме главного героя — аравийского царя Амира, —

⁶ «Девгениево деяние» цит. по: [3].

все персонажи лишены имён; абсолютно все обходятся без конкретной внешности и действуют бледными силуэтами в потоке событий, а иногда и просто невидимы («Амир царь <...> невидимъ бысть никим же» [3, с. 28]; «три срацыняне <...> невидими будете никимъ же» [3, с. 40]). Сочная авантюризм превратилась у редактора в деловитую, беглую развлекательность, что характерно для прагматичного Петровского времени.

И вот что ещё в погодинском «Девгениевом деянии» указывает на новые вкусы редактора и, возможно, на обстановку конца XVII – начала XVIII вв. Упоминания битв и поединков минимальны и формальны, дело обычно кончается лишь дракой («ухватив же срацынина за горло... привезаша на горе у древа» [3, с. 30]; «заеде создади Амира-царя, и удари его межъ плечъ <...> и ухватив же его за власы» [3, с. 34]). Больше того, царя Амира неоднократно упрашивают отказаться воевать («приими миръ <...> да ты не погубяшь до остатку» [3, с. 34]), и Амир быстро принимает христианство («крестися и отвергъся веры своея» [3, с. 40]).

История, конечно, фантастическая; события исходят вроде бы откуда-то с мусульманского юго-востока («Сарацынская земля», горы, «Ефрант-река», верблюды с аравийским золотом). Всё это у редактора не получило ясной привязки к исторической обстановке; но, может быть, как-то отразило атмосферу русско-турецких отношений после заключения Константинопольского мира в 1700 г.?

Другой поздний мотив в Погодинском списке «Девгениева деяния», кажется, определённое относится к началу XVIII в. Имеем в виду эмоционально-галантную тему. Эмоциональность героев несколько усилена невоинственным редактором сравнительно с традицией. Все основные персонажи глубоко переживают («нача терзати власы главы свое и лице и нача плакати» [3, с. 28, 38, 40]; «начаша <...> слезы испущати» [3, с. 32]; «рече <...> слезно» [3, с. 34, 40]; «начаша <...> вопрошати слезно» [3, с. 36]; «рече <...> гневно» [3, с. 38]; «ужастень бысть» [3, с. 37]; «ужасна бысть» [3, с. 40]; и пр.). Все персонажи умильно обращаются друг к другу («Чада моя милая... Мати наша милая... Братия моя милая» [3, с. 30]; и мн. др.) и даже, что необычно, так же умильно обращаются к врагам («Братия срацыняне» [3, с. 30]; «Братия моя милая» [3, с. 32, 34]; «Брате <...> царю» [3, с. 34]; и т.д.). А положительные герои прочувствованно «вопияше песнь аггелскую велегласно» [3, с. 32, 34].

Галантность же вот такая. Аравийский царь Амир, похитив греческую царевну, ведёт себя крайне благородно: поселил её в шатре в прекрасном поле; где она гуляет, «там изослано поволоками златыми, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ (покрывалом)»; в шатре она сидит «на злате стуле»; а Амир, по признанию похищенной, весьма деликатен: «Амир-царь всегда ко мне приежьжаше единою месяцомъ и издалека на меня смотряше»; Амир и крестился «любви ради девицы тоя» [3, с. 34, 36]; «и потом Амир-царь сотвори себе особый дворъ и полаты и жити нача с своею любимую девицею» [3, с. 40], а ее матери и братьям лучше «зятя такового не обрести» [3, с. 36], — пожалуй, это самая подчёркнутая любовь из русских авантюрных повестей XVII – начала XVIII вв.

Воинская, в основном южная, тема понемногу уходит из простонародных повестей. Исторические причины этого ещё предстоит установить (Северная война?).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Дробленкова Н. Ф. Повесть о царе Василии Константиновиче // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л.: Наука, 1988. Т. 41. С. 96–98.
- 2 Летописи русской литературы и древности / изд. Н. С. Тихонравов. М.: Тип. Грачева и комп., 1859. Т. 2, отдел 2. 408 с.
- 3 Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР): XIII век. М.: Худож. лит., 1981. 650 с.
- 4 Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР): XVII век. Кн. 1. М.: Худож. лит., 1988. 704 с.
- 5 Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР): XVII век. Кн. 2. М.: Худож. лит., 1988. 704 с.
- 6 Русская демократическая сатира XVII века / изд. подгот. В. П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. 257 с.
- 7 Сиповский В. В. Русские повести XVII–XVIII вв. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1905. 384 с.

* * *

Demin Anatoly Sergeevich,
DSc in Philology, Professor,
Head of Old Slavic Literatures Department,
Institute of World Literature named after Maxim Gorky,
Russian Academy of Sciences,
Povarskaya str., 25A, 121069 Moscow, Russian Federation
 E-mail: anatolydemin@gmail.com

MILITARY THEME AND THE IMAGE OF AUTHORS IN FOLKSY TALE IN LATE XVII – BEGINNING OF XVIII CENTURIES

Abstract: This article discusses unexplored semantic changes in the military theme in some folksy later editions of ancient tales mostly on the lists of the end XVII – early XVIII centuries, namely in the stories of Beauvais, about Eruslane, Vasily Konstantinovich, and Amir (the last two are not well known). Judging by repeated motives and means of expression, former traditional base of military stories changed radically in each story and was replaced by «servicemen», then by feeble ones, and then by the primitive adventurous and gallant characters that reflected the new mood of the Russian society of the time of Peter's changes in such half-fairytale monuments.

Keywords: folksy story, a military theme, motif, editor.

REFERENCES

- 1 Droblenkova N. F. Povest' o tsare Vasiliï Konstantinovichë [Tale of Tsar Vasily Konstantinovich]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (TODRL)* [Proceedings of the Department of Old Russian literature (TODRL)]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 41, pp. 96–98.
- 2 *Letopisi russkoi literatury i drevnosti* [Annals of Russian literature and antiquity], ed. N. S. Tikhonravov. Moscow, Tip. Gracheva i komp. Publ., 1859. Vol. 2, part 2. 408 p.
- 3 *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi (PLDR): XIII vek* [Monuments of literature of ancient Russia (PLDR): the thirteenth century]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1981. 650 p.
- 4 *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi (PLDR): XVII vek. Kn. 1* [Monuments of literature of ancient Russia (PLDR): XVII century. Bk. 1]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1988. 704 p.
- 5 *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi (PLDR): KhVII vek. Kn. 2* [Monuments of literature of ancient Russia (PLDR): XVII century. Bk. 2]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1988. 704 p.
- 6 *Russkaia demokraticheskaia satira XVII veka* [Russian Democratic satire in XVII century], ed. V. P. Adrianova-Peretts. 2-e izd., dop. Moscow, Nauka Publ., 1977. 257 p.
- 7 Sipovskii V. V. *Russkie povesti XVII–XVIII vv.* [Russian novel of seventeenth and eighteenth centuries]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1905. 384 p.